

Значеніе философіи для богословія.

(Продолженіе¹⁾).

IV. Теоретическій и практический взгляды на религиозную вѣру.

Въ изложенномъ доселѣ представленъ краткій обзоръ *логическихъ* мотивовъ и оснований, оправдывающихъ вѣру въ сверхъестественное, какъ сущность вѣры религиозной. Религиозный человѣкъ большею частію вовсе не сознаетъ этихъ мотивовъ и оснований, но это не значитъ, что они отсутствуютъ въ его душѣ и не дѣйствуютъ: человѣкъ, когда размышляетъ, тоже не думаетъ о законахъ мышленія, а иногда вовсе не знаетъ объ ихъ существованіи, и тѣмъ не менѣе сообразуется съ ними. Разсмотрѣнные мотивы показываютъ, что религиозныя представленія никоимъ образомъ нельзя считать продуктомъ фантазій, какъ многіе склонны думать, а также послѣдствіемъ незнанія законовъ природы и дѣйствительныхъ причинъ ея явленій. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что самое обширное и основательное познаніе природы вещей еще яснѣе должно обнаруживать необходимость вѣры въ сверхъестественное и оправдывать таковую вѣру. Этимъ

¹⁾ См. Труды Кіевской дух. Академіи, ноябрь, 1903 г.

именно и объясняется, что великіе ученые отличались глубокою религіозностію. Разсмотрѣніе религіозной вѣры со стороны логическихъ ея мотивовъ, или основаній, составляетъ теоретическій взглядъ на этотъ предметъ, или иначе—теоретическую точку зрѣнія для обсужденія религіозной вѣры. Отъ этой точки зрѣнія должно различать практическую точку зрѣнія въ обсужденіи вѣры религіозной,—несравненно болѣе распространенную. Необходимо и съ этой стороны, хотя кратко, разсмотрѣть вопросъ о сущности религіозной вѣры.

Выше въ числѣ логическихъ основаній религіозной вѣры указано, какъ главное и важнѣйшее, —необходимая мысль о нравственномъ назначеніи человѣка. Не слѣдуетъ смѣшивать этого рода обоснованія необходимости религіозной вѣры съ обсужденіемъ этой вѣры съ точки зрѣнія практической.

По сущности нравственно-практическое обоснованіе религіозной вѣры заключается въ слѣдующемъ. Законы природы не имѣютъ никакого отношенія къ нравственнымъ требованіямъ человѣческой совѣсти, не стоятъ ни въ какой съ ними связи. Природа равнодушна къ добру и злу; поэтому ни за добро она не награждаетъ, ни наказываетъ за дурное. Напротивъ, перѣдко лучшее и достойнѣйшее она безжалостно уничтожаетъ, а худшее и зловредное щадитъ и бережетъ. Конечно, съ религіозной точки зрѣнія представляется непонятнымъ—какъ возможно, что природа, если она есть произведеніе премудраго и всеблагаго Творца, не способствуетъ однако достиженію человѣкомъ предназначеннаго ему нравственнаго совершенства. Но это вопросъ очень обширный и сложный и не мѣсто здѣсь входить въ подробное его разсмотрѣніе. Достаточно замѣтить по этому вопросу слѣдующее: было ли бы лучше, если бы природа доставляла человѣку все необходимое безъ всякаго съ его стороны труда, да при томъ еще, хотя бы и не выполняла за него лежащее на немъ должное, но по крайней мѣрѣ всячески ему

въ томъ содѣйствовала? Не достаточно ли *невидимой* (благодатной) помощи, подаваемой человѣку Богомъ, при чемъ со стороны человѣка нѣкоторую заслугу составляетъ самая вѣра въ дѣйствительность этой помощи, вѣра—нисколько не освобождающая человѣка отъ самостоятельнаго труда, напротивъ, предрасполагающая къ тому и требующая такового. Что касается природы, то по крайней мѣрѣ не препятствуетъ она человѣку выполнять свое назначеніе, оставляя его при томъ утѣшительномъ сознаніи, что этимъ чисто духовнымъ или душевнымъ дѣломъ онъ обязанъ только самому себѣ и Богу, а не бездушнымъ вещамъ и неразумнымъ тварямъ.

Принимая во вниманіе, что въ природѣ вещей нѣтъ основанія для нравственнаго закона, многіе дѣлаютъ отсюда то заключеніе, что понятія о нравственномъ и безнравственномъ, о должномъ и противномъ тому суть понятія чисто *субъективныя*, не имѣющія для себя никакого объективнаго оправданія, иначе сказать, произвольно измышленныя человѣкомъ, или навязанныя ему обществомъ по мотивамъ чисто практическимъ собственной выгоды, и что, поэтому, рассматривая вопросъ съ точки зрѣнія чисто объективной, человѣкъ въ правѣ считать для себя необходимымъ сообразоваться лишь съ законами природы въ своей жизни,—природы своей и общей, а не съ нравственными понятіями произвольно измышленными и навязанными ему. Однако и тѣ, которые разсуждаютъ такимъ образомъ вовсе не сообразуются въ практической жизни съ подобнымъ разсужденіемъ, а требуютъ, напр., строгой справедливости, не могутъ отказать въ признаніи достоинства и правоты поступковъ въ отношеніи къ тому, кто руководится въ своихъ дѣлахъ не научными только соображеніями о требованіяхъ природы, а и нравственными понятіями о должномъ; а это свидѣтельствуетъ о томъ, что даже и тѣ, которые, по видимому, отрицаютъ нравственныя понятія, считая таковыя субъективными, т. е. случайно возникшими въ зависимости отъ произвольнаго усмотрѣнія человѣческаго, въ глубинѣ своей

души, такъ сказать, вопреки самимъ себѣ не могутъ не признавать объективной значимости означенныхъ понятій, ибо продолжаютъ относиться къ этимъ понятіямъ сообразно съ этимъ своимъ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ. Если же въ природѣ дѣйствительно не оказывается для нравственныхъ понятій оправдывающаго ихъ объективнаго основанія, то необходимо полагать такое основаніе внѣ природы, т. е. необходимо признать его сверхъестественнымъ. Иначе не можетъ быть понято и изъяснено, можно сказать, всеобщее убѣжденіе чело-вѣчества въ объективной истинности и влѣдствіе того въ непреодолимой практической значимости нравственныхъ понятій. Вотъ какимъ образомъ идея нравственнаго назначенія чело-вѣка служить самымъ прочнымъ основаніемъ для вѣры въ сверхъестественное.

Теперь посмотримъ въ чемъ состоитъ практическій взглядъ на эту вѣру и практическое къ ней отношеніе. Обсуждающіе религиозную вѣру съ точки зрѣнія практической обращаютъ вниманіе не на *основанія* этой вѣры, а единственно на *благодѣтельные послѣдствія* оной, свидѣтельствуемая исторіей. Итакъ, лишь съ точки зрѣнія чисто практической, а не научно-теоретической, получаетъ свое значеніе и смыслъ разсмотрѣнный въ началѣ способъ оцѣнки христіанства, какъ факта историческаго. Только слѣдуетъ устранить при этомъ то недоразумѣніе, будто достаточно указанія на христіанскую вѣру, какъ на историческій фактъ. Не въ томъ дѣло, даже и при обсужденіи вѣры съ точки зрѣнія практической, что христіанство есть историческій фактъ, ибо исторія знаетъ всякіе факты и важные и не важные, и утѣшительные и не утѣшительные, а важно то, что христіанство, какъ историческій фактъ, представляетъ собою безмѣрно великую цѣнность по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшей исторіи чело-вѣчества. Исторія, не спеціальная, а общая, наука практическая, ибо имѣетъ дѣло съ самою жизнью, изображаетъ жизнь во всей ея цѣлости, какъ

она происходила; предметъ общей исторіи вполне реальный, а не отвлеченный; вотъ почему люди практическіе любятъ ссылаться на свидѣтельство исторіи; для нихъ не теоретическія соображенія и изслѣдованія важны, какъ бы ни были они тонки и основательны,—разборъ и оцѣнка такого рода изслѣдованій требуетъ напряженнаго умственнаго труда и большой опытности,—а важенъ опытъ, произведенный самою жизнью; это не гадательная теоретическая оцѣнка, а проба самимъ дѣломъ; поэтому съ торжествомъ указываютъ они на историческіе факты, какъ на непрерываемое свидѣтельство истинности ихъ взглядовъ и мнѣній. Историческіе факты, какъ и вообще факты, дѣйствительно имѣютъ наибольшую силу убѣдительности. Но дѣло въ томъ, что исторія свидѣтельствуешь только о прошедшемъ, а прошедшее не всегда можетъ служить доказательствомъ за или противъ въ отношеніи настоящаго, а тѣмъ болѣе будущаго. Если бы историческое теченіе жизни было неизмѣннымъ повтореніемъ все одного и того же, тогда, конечно, прошедшее было бы ручательствомъ за настоящее и будущее. Но не напрасно говорить, что въ исторіи ничто не повторяется, слѣдовательно прошедшее не указъ настоящему и будущему (что было, говорятъ, то прошло, а теперь того нѣтъ). Есть, однакоже, и должны быть такія черты жизни исторической, которыя, развѣ утвердившись въ жизни, затѣмъ неизмѣнно продолжаютъ сохраняться, такъ что всѣ историческія перемѣны происходятъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и состоятъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, то въ усовершенніи, то въ нѣкоторомъ ухудшеніи—словомъ въ колебаніи однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ и характеристическихъ типическихъ чертъ жизни. Но, вѣдь, для разграниченія основныхъ началъ, долженствующихъ оставаться неизмѣнными, отъ всего, имѣющаго только временное и условное значеніе, требуется опять таки теоретическое изслѣдованіе; исторія же только задаетъ эту задачу, но сама ея не рѣшаетъ. Итакъ, и при пользованіи

свидѣтельствомъ исторіи, требуется работа, для которой у практическихъ людей нѣтъ ни досуга, ни навыка. Отъ этого происходитъ, что практическіе люди обыкновенно отличаются крайнимъ консерватизмомъ—направленіемъ наиболѣе для нихъ удобнымъ. Созданное исторіей—это *извѣстное*, а то, что только *можетъ* быть и что кому-либо желательно, что-бы было,—это *неизвѣстное*: кому охота мѣнять извѣстное на неизвѣстное; къ старому есть уже привычка, а къ новому надо еще привыкать. Особеннымъ упорствомъ и крайней ценетильностію отличается консерватизмъ въ сферѣ религіозной. Съ особенною ясностію выражено это направленіе духа въ извѣстномъ положеніи, высказанномъ раскольниками: отцы наши и дѣды спасались по старымъ книгамъ и мы хотимъ того же. Крайніе консерваторы—люди нелюбознательные: нѣтъ у нихъ желанія сдѣлать какой-либо опытъ, какъ бы ни представлялся онъ самъ по себѣ въ теоріи желательнымъ, нѣтъ охоты рѣшить какую-либо задачу. Боязнь всякаго рода новизны, хотя бы новое было лишь простымъ улучшеніемъ, усовершеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ стараго, у людей, черезъ мѣру дорожающихъ разъ нажитыми привычками, такъ велика, что поэтому не иначе какъ съ опасеніемъ и какъ бы нѣкоторымъ скрытымъ недоброжелательствомъ относятся они ко всякаго рода изслѣдованіямъ (отсюда нелюбовь къ наукѣ и ея представителямъ, равнодушіе къ интересамъ просвѣщенія). Напротивъ, у людей, преданныхъ дѣлу изслѣдованія, такой боязни быть не можетъ, ибо само по себѣ изслѣдованіе дѣлаетъ то, что изслѣдователь не только пріобрѣтаетъ знакомство, но, можно сказать, сживается съ предметомъ изслѣдованія, и хотя бы такимъ предметомъ было что-либо, могущее подлежать осуществленію въ жизни, однако для изслѣдователя это уже не есть божье неизвѣстное, сомнительное именно своею неизвѣстностію, но извѣстное и понятное въ теоріи, а потому и желательное, если того достойно.

Лишь то может оправдывать въ нѣкоторой мѣрѣ недоверчивое отношеніе ко всякимъ теоретическимъ построеніямъ и предположеніямъ о желательныхъ перемѣнахъ въ жизни, что часто на практикѣ такого рода предупреждающія жизнь теоретическія построенія оказываются далеко не такъ благотѣльными и полезными, какъ представляются въ теоріи. Одно только просвѣщеніе можетъ сгладить различія слишкомъ рѣзкія иногда, между крайностями, съ одной стороны, консерватизма, не принимающаго во вниманіе никакихъ законныхъ требованій времени и новыхъ условій жизни, а съ другой — неумѣренной и, правду сказать, нерѣдко легкомысленной, жажды новизны. Справедливо можно укорить крайній консерватизмъ въ томъ, что онъ, такъ сказать, обезцѣпляетъ человѣческую жизнь и лишаетъ ее всякой привлекательности, вслѣдствіе того, что обращаетъ ее въ безконечное монотонное и скучное повтореніе все одного и того же. Для того ли Богъ даетъ человѣку жизнь, чтобы каждый съ неизмѣнною правильностію повторялъ снова то же самое, что уже безконечно много разъ было дѣлаемо все въ томъ самомъ видѣ. Величайшая мудрость состоитъ въ постоянномъ сочетаніи стараго съ новымъ такимъ образомъ, чтобы жизнь постоянно обновлялась, оставаясь тождественною и неизмѣнною лишь въ основныхъ чертахъ и началахъ. Время, впрочемъ, и само, безъ нашего на то согласія, измѣняетъ жизнь, но важно имѣть предусмотрительность и столько проницательности, чтобы не время насъ направляло наперекоръ нашему желанію, а мы сами были бы въ состояніи направлять требованія и условія времени согласно съ нашими убѣжденіями.

Указанныя выше два направленія въ жизни практической обыкновенно такъ разграничиваютъ. Говорятъ, что наука начало прогрессивное, напротивъ, религіозная вѣра начало консервативное. Въ религіи все запечатлѣно высшимъ авторитетомъ, а потому никто не въ правѣ измѣнять въ этой

области что-либо. Напротивъ, наука безпрерывно увеличиваетъ свои пріобрѣтенія, которыя не могутъ оставаться безъ всякаго вліянія на добытое въ ней прежде. Однако несомнѣнно, что въ наукѣ также есть истины, остающіяся всегда неизмѣнными, какъ бы ни умножались отдѣльныя знанія, какъ бы ни измѣнялись методы и способы изслѣдованія, и какъ бы ни измѣнялся характеръ научныхъ задачъ. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, такъ рѣшительна была противоположность между научнымъ знаніемъ и вѣрою религіозною, какъ обыкновенно полагають, тогда ни въ жизни, ни въ сознаніи того же человѣка не могли бы совмѣщаться и образовать одинъ цѣльный характеръ такія противоположности. На самомъ же дѣлѣ, хотя и кажется, что въ сферѣ религіозной, все неизмѣнно, однако изученіе исторіи религіозной жизни свидѣтельствуетъ, что и въ этой области многое измѣняется съ теченіемъ времени, измѣняется многое такъ, что мы сами этого не замѣчаемъ. Дѣло въ томъ, что хотя бы все оставалось такъ, какъ установлено и въ ученіи и въ практикѣ религіозной жизни, однако въ разное время отношеніе вѣрующихъ и къ той и къ другой сторонѣ религіозной жизни не можетъ оставаться неизмѣннымъ, напротивъ, для разныхъ временъ оказывается различнымъ. Перемѣна же отношенія къ различнымъ установленіямъ въ области вѣры не можетъ не воздѣйствовать такъ или иначе на самыя установленія, для которыхъ необходимою средою, обуславливающею ихъ продолженіе и сохраненіе, служитъ главнымъ образомъ взаимодействіе душъ вѣрующихъ, между тѣмъ какъ вещественные и письменные памятники служатъ только точкою отправленія, орудіемъ возбужденія религіозной вѣры въ сознаніи людей, непрерывно пребывающихъ въ общеніи, въ союзѣ вѣры и любви, что составляетъ жизнь церкви. Итакъ, вопросъ *о знаніи и вѣрѣ* необходимо подвергнуть болѣе тщательному разсмотрѣнію.

У насъ этотъ вопросъ послужилъ главнымъ поводомъ къ возбужденію споровъ, происходившихъ между славяно-филами и западниками и къ раздѣленію этихъ двухъ партій.

П. Линицкій.

